

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию
«Интерпретация основ буддийской философии в трудах А.М. Пятигорского»
Кораблина Дениса Александровича, представленную на соискание ученой
степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история
философии.

Диссертация Д.А. Кораблина посвящена исследованию творчества известного отечественного философа А.М. Пятигорского, внесшего заметный вклад в изучение индийской философии и повлиявшего на целое поколение российских индологов и буддологов. Обращение к трудам тех отечественных мыслителей, деятельность которых проходила за границей или замалчивалось в советское время, актуально в контексте реконструкции объективной истории отечественной философии и стимулированию интереса к ней у исследователей.

Диссертант выделяет в творческом наследии А.М. Пятигорского такие основные аспекты как: философский, исторический, религиоведческий и семиотический, и полагает, что для их исследования наиболее релевантен комплексный подход.

Автор, полагает, что интерпретация основ буддийской философии, предложенная А.М. Пятигорским, постепенно сформировалась у него в специфическую мировоззренческую концепцию, исследованию которой и посвящена диссертация Д.А. Кораблина.

Для достижения поставленной цели (исследование, интерпретация и выявление специфического прочтения основ буддийской философии в наследии А.М. Пятигорского, которая эксплицирована в культурологической, религиоведческой и семиотической категориях), диссертантом поставлены следующие задачи:

- исследовать этапы становления философского наследия А.М. Пятигорского и проследить генезис его философских воззрений в соотношении с буддийской философией;

- прояснить смысл, который А.М. Пятигорский вкладывал в понятие «буддийская философия» в своем особом семиотическом, культурологическом и феноменологическом прочтении;
- провести анализ буддийской постулативной триады «текст-дхарма-идея», предложенной А.М. Пятигорским;
- дать сравнительную характеристику «неантропоцентрической философии» А.М. Пятигорского, имеющей черты схожести и источники формирования в буддийской концепции Анатмана;
- выявить компаративный и феноменологический подходы в исследовании буддизма А.М.Пятигорским, проанализировать взаимоотношение философии мышления и сознания в концепциях «очуженного мышления» и «обсервационной философии» (с. 16-17).

Источниковая база исследования Д.А. Кораблина отличается не только большим объемом, но и сложной структурой и включает не только опубликованные труды самого А.М. Пятигорского, но, также работы, оказавшие непосредственное влияние на становление философских идей А.М. Пятигорского; труды философов и исследователей, затрагивающих вопросы буддийской философии, философии сознания, постмодернистской философии, философской антропологии и структурно-семиотических исследований культуры; работы, посвящённые философии и истории буддизма; тексты буддийского канона и тексты школ раннего буддизма.

Наиболее ценной частью источниковой базы диссертации Д.А. Кораблина, обеспечивающей значительную долю ее новизны, являются неизданные труды А.М. Пятигорского, находящиеся в частном собрании Л.Н. Пятигорской, в число которых входят неопубликованные рукописи, письма, аудио- и видеоматериалы. Все это делает выводы историко-философского исследования диссертанта солидно фундированными, что можно сказать и об изученности автором степени разработанности проблемы.

Диссертантом серьезно проработаны методологические основы исследования и обосновано применение семиотического, герменевтического,

феноменологического методов, наряду с синхронным, историко-диахронным и компаративным, что продиктовано кроссдисциплинарной спецификой самой диссертации и особенностями творческого наследия А.М. Пятигорского (с. 18-19).

В основных положениях, выносимых на защиту, диссертант отмечает, исходя из генезиса философских взглядов А.М. Пятигорского, представленного в историко-библиографическом срезе, что собственные философские идеи мыслителя формировались под влиянием буддийской и индийской философских традиций. Также отмечается использование А.М. Пятигорским методологических подходов, применяемых в семиотических исследованиях периода Московско-тартуской семиотической школы.

Позволим не согласиться с утверждением диссертанта о том, что первоначально сформированные предпосылки философии сознания в трудах А.М. Пятигорского были только «в дальнейшем экстраполированы на изучение буддийской философии» (с. 21). Как раз историко-библиографический анализ трудов А.М. Пятигорского, позволяет предположить, что предпосылки философии сознания формировались под влиянием М. К. Мамардашвили и параллельно с изучением буддийской философии. Причем вклад в развитие философии сознания со стороны А.М. Пятигорского определялся как раз его знакомством с теорией сознания виджнянавадинов. Об этом говорил сам М. К. Мамардашвили: «... чаще всего люди, с которыми у меня возникло состояние обучения, были одновременно моими друзьями. Ну, например, Пятигорский Саша. ... Отчасти потому, что в нем есть эта склонность к думанию, отчасти в силу того, что в запасе его думания были такие вещи, которые были мне до этого недоступны; они были закодированы в сокровищнице восточной философии, в частности буддийской»¹.

---

¹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию... /Сост. и предисл. Ю.П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1990. С. 34-35.

Собственно, в тексте своей диссертации сам Д.А. Кораблин пишет об этом: «Сама отсылка в названии труда («Три беседы о метатеории сознания (Краткое введение в учение виджнянавады)» – С.Л.) к учению виджнянавады подчеркивает тот философско-теоретический базис, с которого была начата совместная работа с М.К. Мамардашвили. Что ознаменовало собой переход к таким философским категориям, как мышление и сознание, которые в дальнейшем станут ключевыми акцентами философии А.М. Пятигорского» (с. 39). Таким образом, первое положение, выносимое на защиту, нуждается в уточнении и доработке. Ведь у диссертанта получается так, что сначала у А.М. Пятигорского сформировалась некоторая собственная теория сознания, а затем ее результаты были экстраполированы на изучение буддийской философии. В действительности все обстояло иначе, о чем сам же диссертант и пишет в своей работе.

Автор обосновано сравнивает «обсервативную философию» А.М. Пятигорского, «подкрепленную воззрениями буддийской школы виджнянавада», с трансцендентальной редукцией Э. Гуссерля, отмечая, что в обоих случаях итогом «становится переориентация внимания индивида с того, как мир феноменов отражается в сознании, к тому, как сознание непосредственно дано и возможно» (с. 22).

В первой главе «Рецепция буддийской философии в наследии А.М. Пятигорского» определены основные этапы формирования взглядов философа и трактовка методологических установок в подходе к изучению буддийской философии А.М.Пятигорским.

В первом параграфе «Истоки философского мировоззрения и основные этапы формирования взглядов А.М. Пятигорского в свете изучения буддийской философии» биография философа соотнесена со становлением его научных взглядов и отмечены те работы, на которые буддийское учение оказало наибольшее влияние.

Особо следует отметить анализ диссертантом рукописей, писем, неоконченных статей А. М. Пятигорского, находящихся в личном собрании,

что позволило сделать выводы о том, что «значительная часть его библиографии представляет собой записанные лекции, беседы или интервью, поскольку философ особо выделял важность интеллектуальной беседы или разговора» (с. 52). Действительно, отмеченную диссертантом особенность, можно считать, отличительным признаком всего творчества философа, что следует расценивать в качестве несомненного признака новизны работы Д.А. Кораблина.

Во втором параграфе «Трактовка определения буддийской философии и роль текста как ведущего методологического принципа в трудах А.М. Пятигорского» анализируется концепция текста, разработанная ученым, согласно которой текст интерпретируется как явление культуры, ориентированное на работу с мышлением и сознанием.

Третий параграф «А.М. Пятигорский: дхарма – текст и «единица буддийской философии» посвящен анализу понятия «дхарма» в постулативной триаде «текст-дхарма-идея», где он представлен А.М.Пятигорским в качестве текста и текстопорождающего механизма. Диссертант использует нарративный анализ исследуемого понятия в буддийской философской мысли и его оформление в качестве концепта метанарратива.

Во второй главе «Не-антропоцентрическая философия» А.М. Пятигорского как способ прочтения буддийского учения о человеке» такие сущностные категории философской антропологии как «мышление» и «сознание» рассматриваются в русле созданной философом «неантропоцентрической философии».

Первый параграф «Антропология и антропизм в научно-философской и религиозно-философской картинах мира» посвящен сравнительному исследованию антропного подхода, в том виде, в каком он представлен в религиозно-философских традициях Индии и трудах западноевропейских философов.

Во втором параграфе «Анализ «неантропоцентрической философии» А.М. Пятигорского и буддийской концепции Анатмана. Философско-феноменологические аспекты» антропный принцип в философии второй половины XX в. анализируется с позиции, предложенной в буддийской религиозно-философской концепции Анатмана, содержащей новые методологические потенциалы в рамках синтеза философской, научной и религиозной картин мира.

В третьем параграфе «Обсервационная философия» и «очужненное мышление» – значение и смысл в контексте понимания А.М. Пятигорским буддийской философии» рассматривается важная для методологии «обсервативной философии» процедура формирования установки «очужненного мышления», позволяющая очистить его содержание от феноменов, с дальнейшим анализом последнего в качестве самостоятельного объекта рассмотрения.

Безусловно, признаком новизны обладает предложенная Д.А. Кораблиным периодизация творчества А.М. Пятигорского. К сожалению, в характеристике третьего, последнего периода с 2000 по 2009 г. были упущены разработки философа в области политической философии.

Отмечая несомненные достоинства большой и новаторской работы, проделанной диссертантом, следует сделать несколько замечаний:

1. К сожалению, среди работ А.М. Пятигорского 60-70х гг. автор не упоминает несколько работ, имевших большое значение для анализа становления и эволюции его философских взглядов, а именно:

- А.М. Пятигорский. Три термина древнеиндийской психологии // Индийская терминология. На русском и английском языках. Тарту: Тартуский государственный университет. 1967. С. 25-40.

- А.В. Герасимов, А.М. Пятигорский. Citta и manas в Атхарваведе// Индийская терминология. На русском и английском языках. Тарту: Тартуский государственный университет. 1967. С. 3-9 .

- А.М. Пятигорский. «Знание» как «Знак личности» в духовной культуре древней Индии // Труды по востоковедению. На разных языках. II, I. Тарту: Тартуский государственный университет. 1973. С. 216- 266.

Не упоминается также работа из последнего периода творчества А.М. Пятигорского:

- А.М. Пятигорский. Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций. М.: Европа. 2007. – 152 с.

2. Автор недостаточно учитывает и отмечает совместный характер философского творчества, присущего для тех кругов, в которых общался А.М. Пятигорский. Так, он только в ссылке на с. 35 упоминает о том, что «проблема наблюдателя`была в фокусе бесед А.М. Пятигорского с Д.Б. Зильберманом при формировании ими концепции «обсервационной психологии», а в дальнейшем активно использовалась философом в его «метатеории сознания», «неантропоцентрической философии» и «очуженном мышлении», в том числе, была подробно изложена в труде «Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии». Вместе сам А.М. Пятигорский совершенно точно указывает, что «обсервативную психологию» они создавали вместе с Д.Б. Зильберманом: «Осенью 1973 года на автобусе, следующем из Химки-Ховрино к Речному вокзалу, мы договорились о названии новой квазинауки, а некоторыми днями позднее, на автобусе, идущем от метро «Октябрьская» на Юго-Запад, придумали и первую методологическую формулировку обсервативной психологии: «не все, что можно наблюдать, следует наблюдать»². К сожалению, ни в «результатах, обладающих новизной и теоретической значимостью», ни в «положениях, вынесенных на защиту», об этом не упоминается.

3. Тот же упрек можно отнести к тому результату, где говорится о «значении слова «дхарма», представленного философом в качестве текста и текстопорождающего механизма» (с. 19). Диссертант, к сожалению,

---

² Пятигорский А.М. О философской работе Зильбермана // А.М. Пятигорский. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры. 2005. С. 163

проигнорировал примечание самого А.М. Пятигорского, где он прямо указывает, что выражение «дхармы как фактор порождения текста» принадлежит Линнарту Мьялю³.

4. В работе встречаются неточности, фактические и стилистические: «обсервационная психология» вместо «обсервативной» как у А.М. Пятигорского; «очуженное мышление» – суть мышление» (с. 150), и т.д.

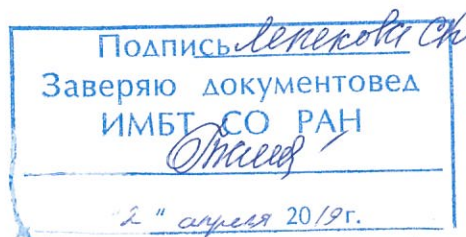
Сделанные замечания не умаляют общей высокой оценки диссертации Дениса Александровича Кораблина «Интерпретация основ буддийской философии в трудах А.М. Пятигорского», которая, по нашему мнению, соответствует всем критериям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней» и заслуживает присуждения искомой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии.

Главный научный сотрудник
Центра восточных рукописей
и ксилографов Института
монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН,
д.филол.н., профессор

С.Ю. Лепехов

(Специальность 09.00.03
– история философии)
ИБМТ СО РАН
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
Тел. 8-3012-43-35-51
Электронный адрес: lepekhov@yandex.ru

³ Пятигорский А.М. Непрерывающийся разговор. //Лекции по буддийской философии. Лекция первая. Краткое введение к рассказу о буддийской философии: текст, дхарма и личность. СПб.: Азбука-классика. 2004. С. 46.